

Социально-психологическая повесть в русской и белорусской прозе второй половины XX века

Крикливец Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Актуализация определенной жанровой разновидности повести зависит от когнитивных и коммуникативных задач времени. Социально-психологическая повесть — одна из ключевых жанровых разновидностей русской и белорусской повести второй половины XX века как в контексте реалистической эстетики, так и в стиливом поле модернизма.

Цель статьи — выявить особенности идейно-тематической и стиливой трансформации социально-психологической повести в русской и белорусской прозе второй половины XX века.

***Материал и методы.** Методологическую базу работы составляют труды отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологических исследований литературных явлений. Материалом изучения выступают повести русских и белорусских писателей второй половины XX века.*

***Результаты и их обсуждение.** В статье раскрываются этапы семантической и морфологической трансформации русской и белорусской социально-психологической повести второй половины XX века. Выявляются типы героев, сформировавшиеся в данной жанровой разновидности повести, анализируются способы субъектной организации. Достоверность результатов определяется обширным эмпирическим материалом.*

***Заключение.** Необходимость формирования аксиологических ориентиров, которые пришли бы на смену утратившим значение идеологическим, обусловила востребованность в русской и белорусской прозе второй половины XX века жанровой разновидности социально-психологической повести. В идейно-тематическом плане социально-психологическая повесть позволила писателям поднять злободневные проблемы, отразить события истории и современности; оказалась изоморфна потребностям белорусской прозы в формировании и сохранении жанрового канона одновременно с усвоением авангардистских тенденций. Коммуникативная стратегия социально-психологической повести в русской и белорусской литературах второй половины XX века направлена на поиск смысла жизни, на постижение человеком человеческой сущности, своего места в социуме, на осознание индивидуального пути в контексте исторического пути народа и государства, на осмысление философской проблематики бытия и смерти.*

***Ключевые слова:** русская литература, белорусская литература, сравнительно-типологический анализ, реализм, модернизм, социально-психологическая повесть, стиливая модификация.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 113–119)

Social and Psychological Story in the Russian and Belarusian Prose of the Late XX Century

Kriklivets E. V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Actualization of a genre type of the story depends on cognitive and communicative tasks of the time. The social and psychological story is one of the key genre subtypes of the late XX century Russian and Belarusian story both in the context of realistic aesthetics and in the style field of Modern.

The purpose of the article is to identify features of the idea and thematic as well as style transformation of the social and psychological story in the late XX century Russian and Belarusian prose.

***Material and methods.** The methodological base of the research is made up by works by domestic and foreign literary critics in the field of comparative and typological studies of literature phenomena. The research object is stories by Russian and Belarusian writers of the late XX century.*

***Findings and their discussion.** Stages of the semantic and morphological transformation of the late XX century Russian and Belarusian social and psychological story are revealed in the article. Types of characters which were shaped in this genre type of the story are found out; ways of subject organization are analyzed. The reliability of the findings is determined by vast empiric material.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: kriklivec@mail.ru — Е.В. Крикливец

Conclusion. *The necessity in shaping axiological landmarks which would substitute the ideological ones, that lost their significance, conditioned the need in the genre type of social and psychological story in the late XX century Russian and Belarusian prose. From the ideal and thematic point of view the social and psychological story made it possible for the writers to raise current issues, to reflect events of the history and the present day; to be isomorphic to the needs of Belarusian prose in shaping and preservation of the genre canon simultaneously with the absorption of vanguard tendencies. The communicative strategy of the social and psychological story in the late XX century Russian and Belarusian literatures is aimed at the search of the life sense, at man's understanding of human essence, his place within the society, at understanding the individual way in the context of the historical way of the people and state, at understanding the philosophic issues of being and death.*

Key words: *Russian literature, Belarusian literature, comparative and typological analysis, realism, Modern, social and psychological story, style modification.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 113–119)

Модификация реалистической эстетики в русской и белорусской прозе второй половины XX века, обусловленная движением от идеологически ангажированного письма к психологизации литературы, породила идейно-эстетические поиски, которые привели к активизации аналитического, интеллектуального начала в прозе. Обращение как русских, так и белорусских писателей к жанровой форме *социально-психологической повести* констатировало окончательный переход от нормативной эстетики к социально-психологическому реализму. В последние десятилетия XX века происходит усвоение неклассических методов и приемов моделирования реальности (фантастических, гротескных, неомифологических). *Социально-психологическая повесть*, поднимая актуальные проблемы современности, пользуется при этом ранее не свойственными ей авангардистскими методами, что усиливает ее многозначность.

Цель статьи – выявить особенности идейно-тематической и стилевой трансформации социально-психологической повести в русской и белорусской прозе второй половины XX века.

Материал и методы. Методологическую базу работы составляют труды отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологических исследований литературных явлений. Материалом изучения выступают повести русских и белорусских писателей второй половины XX века.

Результаты и их обсуждение. Может ли человек противостоять социально-историческим обстоятельствам или приспособливается к ним, идя на компромисс с совестью, – вот один из ключевых вопросов, поднимающихся в социально-психологической повести второй половины XX века. Изначально этот вопрос возник в произведениях, тематически тяготеющих к «городской прозе», и определил типологию героев, сформировавшуюся в данной группе повестей.

Усилившееся в русской и белорусской литературе 1970-х – 1980-х годов аналитическое начало обусловило стремление писателей к углубленному, концептуальному осмыслению мира и человека в нем. Детальному анализу подвергаются не только действия и поступки героев, но и внутренние, глубинные движения души, детерминирующие поведение персонажей. Одной из болезненных проблем, затрагиваемых в повестях этого периода, становится деформированная психология человека, сложившаяся в период культа личности (повести В. Тендрякова «Хлеб для собаки», В. Козько «Но Пасаран!», И. Шамякина «Драма» и др.). Возникает *тип героя, конфликтующего со своим внутренним «я», но не способного избежать конформизма.*

Сродни данной проблеме оказывается и тема образования и воспитания молодого человека в рамках советской системы. Не случайно в центре внимания ряда повестей – педагогические коллективы, учащиеся или бывшие выпускники советских школ (В. Тендряков «Ночь после выпуска», «Шестьдесят свечей», Ю. Трифонов «Дом на набережной»). Трагедия молодых героев заключается в том, что в коллективном они утратили личное, не обрели способность совершать самостоятельный нравственный выбор и нести ответственность за свои поступки. Трагедия «наставников» видится во внутреннем конфликте, обусловленном диссонансом требований советской идеологии и общечеловеческих представлений о морали и нравственности. В произведениях такой идейно-тематической направленности формируется *тип героя – «продукта» эпохи, не способного к совершению самостоятельного нравственного выбора и не имеющего (утратившего) личностное начало.*

Закономерно, что в повестях 1970-х – 1980-х годов находит воплощение *тип героя-приспособленца*, старающегося быть «как все», предпочитающего материальные ценности духовным, карьеру – взаимоотношениям с близкими;

при этом семейно-бытовой конфликт предельно заострен и драматичен (Ю. Трифонов «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь», «Дом на набережной»; В. Тендряков «Шестьдесят свечей», «Затмение», «Расплата»; Б. Саченко «Не на той вулицы»; А. Карпюк «Сучасны канфлікт»; А. Жук «Не забывай мяне» и др.).

Герой социально-психологической повести 1990-х годов – человек, лишенный социальных и моральных ориентиров, деградирующий в жестких условиях выживания (В. Быков «Ваўчыная яма», И. Шамякин «Аповесці Івана Андрэвіча», «Адна на падмостках», «Сатанінскі тур», «Бумеранг», «Падзенне», «Без пакаяння», «Выкармак» и др.).

Дидактический (или притчевый) характер ряда повестей связан с осознанием как русскими, так и белорусскими писателями необходимости формирования аксиологических ориентиров, которые бы пришли на смену утратившим значение идеологическим.

В русской и белорусской военной прозе актуализация жанровой разновидности социально-психологической повести определяется документальной основой многих произведений, интеграцией с мемуарным началом в литературе. Особое развитие документально-художественное исследование темы «человек и война» получило в белорусской литературе. В этом русле написаны «Хатынская аповесць» и «Карнікі» А. Адамовича, «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина, «Я з вогненнай вёскі» А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника, «У войны не женское лицо» С. Алексиевич. Появление данных произведений свидетельствует не о размывании жанровых границ повести (поскольку повесть – жанр художественной литературы, а здесь мы имеем дело с документально-художественным новообразованием), а о том, что жанр повести может стать основой для интеграции жанровых структур, для появления новых форм на «стыке» публицистики и художественной литературы. Социально-психологическая повесть с ее пристальным вниманием к кризисным сдвигам в обществе соответствовала изменившейся проблематике военной прозы, лишенной героического и патриотического пафоса.

С идейно-эстетической точки зрения продуктивным оказалось исследование психологии невоенного человека на войне. Отдельный пласт военных повестей составляют произведения, в которых осмысливаются судьбы детей в годы войны. Раскрытие проблемы детства, опаленно-

го войной, имеет свою специфику в белорусской прозе, где возникает феномен «двойного видения», заключающийся во временной и возрастной разнице повествующего и повествуемого «я» диететического нарратора.

Генезис и психологию фашизма как социального явления стремятся постичь авторы повестей, в которых художественному анализу подвергаются образы «чужих», несущих разрушение и смерть.

«Локальные» военные конфликты, составившие сюжетную основу социально-психологических военных повестей 1990-х годов, обусловили два типа психологии героев: профессионального военного, относящегося к войне как к работе, и молодого человека, морально искалеченного войной, потерявшего себя как личность.

В ряде социально-психологических повестей последней трети XX века затрагивается проблематика, превышающая объем жанрового содержания повести. Знаковой тенденцией жанровой модификации русской и белорусской повести является усиление эпического начала. Авторы пытаются постичь индивидуальные человеческой судьбы в контексте исторического пути народа и государства. Жанровая форма социально-психологической повести оказалась наиболее мобильной с точки зрения расширения объема жанрового содержания. Отражением данной тенденции стало появление циклических структур (повесть или повествование в рассказах, новеллах; создание цикла повестей).

Этот процесс (как и интеграция с документалистикой) доказывает открытость жанра повести, демонстрирует его аккомодацию к новым идейно-художественным потребностям, подтверждает его способность к семантической и морфологической трансформации.

В последние десятилетия XX века монолизм советской литературы сменяется поиском новых художественных приемов и жанровых форм, которые удовлетворили бы эстетические потребности времени. В прозе исследуемого периода основные стилевые изменения происходят на стыке художественных систем – реализма и модернизма, реализма и постмодернизма. Возникновение такого рода диффузных явлений обусловлено как индивидуально-авторским творческим экспериментом, так и общими стилевыми тенденциями эпохи.

Эстетической реакцией на идеологическую ангажированность советской литературы стала так называемая «другая проза», в русле которой можно выделить корпус произведений, написан-

ных в духе *экзистенциального реализма*, и произведения, в которых происходит рецепция традиций *карнавальной литературы*.

И русские, и белорусские прозаики активно используют различные типы вторичной художественной условности. В зависимости от доминирующего типа условности и доминирующего художественного приема можно выделить следующие пути обогащения реалистической эстетики средствами неклассической художественности:

- актуализация *сюрреалистической эстетики*;
- синтез *реалистического* и *фантастического* (при этом следует различать фантастическую условность как прием и фантастический метод художественного миромоделирования);
- обращение к *фольклорно-мифологическим мотивам*, мифологическим способам познания мира.

Социально-психологическая повесть в силу своей мобильности смогла синтезировать реалистическое начало и неклассические (фантастические, гротескные, неомифологические) способы моделирования реальности, позволив тем самым совместить принцип правдоподобного изображения действительности с аллегорическими, метафорическими способами ее осмысления.

Так, в последней трети XX века появляются произведения, в которых наблюдается серьезная стилевая трансформация. Например, в повести М. Палей «Евгеша и Аннушка» происходит эстетически оправданное совмещение сентиментального и физиологического начал. Нынешнее бытие героинь как бы обесцвечено на фоне их прошлого, тесно переплетенного с историей страны. Болезненное состояние Евгешы связано, скорее, не с физическим, а с духовным кризисом героини, ощущающей безвыходность и отчаяние своего теперешнего существования. Героиня не стремится к иной жизни, которая, вероятно, где-то есть. Она разочарована в «механизме» жизни вообще. Соединение лирического, сентиментального, и уродливого, натуралистического, усиливает экзистенциальное звучание повести, проявляя в ней мотивы одиночества, незащитности человека, абсурдности его существования во враждебном мире, которое неизбежно заканчивается смертью.

Сопоставляя способы субъектной организации социально-психологической повести в контексте реалистического метода и в модернистской парадигме, можно прийти к следующим выводам. В анализируемой жанровой разновидности повести происходит последователь-

ная замена автобиографического диегетического нарратора автодиегетическим. Наблюдается увеличение пространственно-временной дистанции между повествующим и повествуемым «я», достигаемое посредством ретроспекции и помещения повествующего и повествуемого «я» в разные временные планы (М. Кураев «Ночной дозор», В. Маканин «Голоса», Л. Петрушевская «Время ночь»). Наличие в социально-психологической повести двух временных планов повествования (прошлое и настоящее) приводит к смене внешней и внутренней фокализации, когда герой-рассказчик выступает в двух ипостасях: то как субъект повествования, то как его объект.

В русской и белорусской неклассической прозе последних десятилетий XX века была предпринята попытка взглянуть на события недавней истории не через призму идеологической ангажированности, а с целью осмысления индивидуальной человеческой судьбы в контексте этих событий. В социально-психологической повести происходит своего рода трансформация литературного типа «*маленького человека*», вернее, появляются специфические инварианты этого типа. Теперь он – «*песчинка истории*» и его судьба редко зависит от него самого. Однако, в отличие от реалистической прозы, человек в неклассической эстетике исследуется в общегуманистическом (а не в социальном) ракурсе. Общественная жизнь порождает абсурдное, фантазмагорическое сплетение обстоятельств его судьбы, становится теми «*декорациями*», в которых человек существует.

Множество мельчайших бытовых подробностей характеризуют жизнь Игоря Ивановича Дикштейна, героя повести М. Кураева «Капитан Дикштейн». Несомненно, даже любимая одежда героя – ватник – отсылает читателя к гоголевской «Шинели». Но если Акакий Акакиевич был соразмерен самому себе, своему незаметному полунцицианскому существованию, то Игорь Дикштейн в этом мире находится «полулегально». История совершает очередной фантастический поворот, и во время подавления Кронштадтского мятежа по ошибке вместо матроса Чубатого был расстрелян студент Дикштейн. И с тех пор Чубатый-Дикштейн живет под чужим именем, не собственной, не подлинной жизнью, и незаметность существования становится главной целью этой выморочной жизни. Так жернова истории перемалывают личные судьбы в мелкий песок, приводят человека к «псевдосуществованию», лишают имени и индивидуальности, обесценивают.

В повести «День рождения покойника» Г. Головин, используя прием карнавализации, отражает абсурдность мира, в котором человек приобретает значимость и ценность только после смерти. Так, балагур и алкоголик Васька Пепеляев в захолустном Бугаевске никому не интересен. В нем нет ничего уникального, поскольку вся культурная жизнь райцентра и без того замыкается на площади с двумя «достопримечательностями» – клубом и винным магазином. И только когда Пепеляева сочли погибшим на сгоревшей барже, его фигура привлекла внимание, начала обрастать мифами, трансформироваться в образ «былинного богатыря» Василия Пепеляева. Живой и невредимый Васька, не соответствующий своему «посмертному» образу, по-прежнему не имеет для жителей Бугаевска никакого значения. Напротив, факт спасения героя (пусть и по нелепой случайности) оказывается неудобен, разрушает удачно сложившуюся мифификацию и, следовательно, не признается. Так живой человек по значимости уступает себе же мертвому. Вполне реалистические детали помогают Г. Головину воплотить процесс «мифотворчества» советской эпохи.

Мифотворчество составляло основу советской цивилизации, являлось мощным способом воздействия на коллективное сознание. В повестях Ю. Полякова «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Работа над ошибками», «Апофегей» присутствует попытка отразить мироощущение человека, существующего в пространстве между идеальным (идеализированным) и реальным. Как это ни парадоксально, структурообразующим для государственной системы выступает именно идеальное. И даже самый небольшой сдвиг в «идеальной» составляющей мироустройства может привести к тому, что «песчинки истории» рассыплются и разрушат весь механизм, погребут под собой систему в целом. В повести «Апофегей» в качестве причин, способных привести к государственной катастрофе, называются заидеологизированная любовь к «социалистической родине» и утрата связи с национальными корнями. В более поздних своих произведениях, в частности, в повести «Демгородок» Ю. Поляков в сатирическом, памфлетном ключе размышляет о бесперспективности строительства «Возрожденного Отечества» на обломках тоталитарного режима, о необходимости поиска пути национального возрождения.

Иной тип сознания, иная ипостась советского «маленького человека» представлены в повести

В. Маканина «*Антилидер*». Слесарь-сантехник Толик Куренков вполне доволен своей жизнью. В состоянии неуправляемого бунтарства этого, в общем смиренного и послушного человека, приводит появление «на горизонте» личности, хотя бы мало-мальски выбивающейся из представления о «таком, как все». В Толике просыпается чувство социальной несправедливости, которое находит единственное воплощение, единственный выход – драку. Это ощущение несправедливости отнюдь не связано с тем, что «любимец судьбы», на которого направлен гнев Толика, не достоин «свалившихся» на него благ. Бунт Куренкова имеет иррациональный характер. Появление «не такого, как все» нарушает окружающую гармонию, противоречит заведенному порядку. Этот порядок Толик и стремится восстановить. Думается, бунт Куренкова равно далек и от дон-кихотства, и от «барачного» сознания. Скорее, в нем видится (пусть и извращенная) попытка постижения себя и «другого» в усредненном мире, попытка проникнуть за границы коллективного бессознательного.

Особый тип «человека советского» выявлен и охарактеризован В. Маканиным в повести «*Человек свиты*». Собственно само название повести является определением этого типа. Цель жизни и главное достижение Мити Родионцева – находиться в свите. Неважно, кем и в каком учреждении города работать, важно как можно дольше находиться в «солнечной приемной», ибо только это демонстрирует герою его значимость. Стремление быть в свите – в некотором смысле трансформация стайного (стадного) инстинкта, его советский инвариант. Животное, оказавшееся вне стаи, обречено на гибель. Митя Родионцев, будучи отлученным от свиты, ощущает потерю смысла жизни, что сродни социальной гибели. И над трагедией героя В. Маканин отнюдь не иронизирует. Осознание ценности обретенной свободы, на котором акцентируют внимание некоторые исследователи [11, т. 2, с. 628], весьма условное, поскольку эта мысль мелькает в мозгу у пьяного Родионцева и, по сути, не является его собственной: ее подсказывает посторонний человек. Таким образом, «человек свиты» скорее откажется от личной свободы (а значит, и от ответственности за свое будущее), так как не готов к ней и не способен с ней справиться.

В контексте этих размышлений писателя уже не кажется случайным, что не только «люди свиты», но и либералы-«шестидесятники» не выдерживают груза личной свободы, обернув-

шейся бременем одиночества. Об этом повесть В. Маканина «Один и одна». Утратив связь с эпохой, которая их сформировала, с идеалами и ценностями своего поколения, герой повести Голощеков чувствует себя беспомощным и потеряннным. Парадокс заключается в том, что борьбу за свободу личности «шестидесятники» вели сообща и, столкнувшись с неромантизированной реальностью, они оказываются неспособными к «частной» жизни. Герой «тоскует по рою» и испытывает искреннее желание «слиться с людской массой».

Советская эпоха порождает еще один особый тип сознания – сознание идеального исполнителя. *Герой-исполнитель* – продукт своего времени, он желает соответствовать этому времени и потому ревностно выполняет работу, не задумываясь о сущности и последствиях собственных действий. Герой-исполнитель – оборотная сторона «маленького человека». Он не желает слиться с толпой, он мнит себя выше и значительнее тех, кто страдает от его «исполнительности». Однако для системы он один из винтиков, на которых держится механизм.

Таков образ сотрудника КГБ Александра Евграфовича в повести А. Рыбакова «Не успеть». Ценность человеческой жизни он измеряет целесообразностью существования того или иного человека для страны. Целесообразным в его масштабах является только подвиг. Люди, не совершившие подвига (не способные на него), не имеют права на кусок хлеба, а значит, на жизнь. «Сначала подвиг, а уж потом – курица», – таков постулат Александра Евграфовича. Герой-исполнитель в изменившихся социальных условиях может стать образцовым приспособленцем. Так, сотрудник КГБ, который в прежние времена сажал за чтение и хранение запрещенной литературы, в перестроечные годы и сам «перестроился» и теперь характеризует ту самую литературу как «умную и честную». При этом образ героя-исполнителя не представляется гротескным даже в контексте общей фантазмагии повести. Это как раз один из тех образов, который сопрягает абсурдное с обыденным, бытовым.

В повести М. Кураева «Ночной дозор» мы встречаем своеобразную «исповедь» героя-исполнителя. Но в рассказе Полуболотова о своей работе в «органах» в годы репрессий нет и тени раскаяния. Это даже не приходит в голову герою. Добродушно-поучительно повествует он своему молодому напарнику о том, как «брали по пятьсот-семьсот человек за ночь». Такое количество

«врагов народа» не заставляет Полуболотова усомниться в правильности собственных действий. Он испытывает профессиональную гордость за добросовестно проведенные операции. Ощущение жуткой иронии и абсурда описываемого возникает из-за несоответствия страшных деталей подробностей арестов и спокойного, почти лирического тона повествования. Однако, как выясняется, исполнительность Полуболотова – еще не предел исполнительности. За гранью всяких представлений о разумном лежит рассказ Полуболотова об аресте сотрудника «органов», который не то что не пытался бежать, а сам расписался вместо понятого, поучая своего молодого коллегу, как нужно «брать людей». Парадоксально, что Полуболотов не огрубел, не утратил способности восхищаться красотой окружающего мира. Исполнителем сделала героя государственная система, приучив его не видеть людей в тех, кого он «брал», выработав бесчувствие к судьбам арестованных.

Проза перестроечного и постперестроечного периода осваивает ранее табуированные темы. В фокусе писательского изображения оказываются самые негативные стороны жизни, объектом художественного исследования становятся *представители социального «дна»*. Жанровое своеобразие повестей, тяготеющих к так называемому «натуральному течению», сопоставимо со спецификой физиологического очерка конца XIX – начала XX века с его детальным вниманием к низменным проявлениям и незамаскированным изображениям «черных» сторон действительности (Л. Габышев «Одлян, или Воздух свободы», С. Каледин «Смирненное кладбище»).

Проблему бездуховности героев, у которых не выработан «иммунитет» ко злу и жестокости, белорусский прозаик В. Мудров проецирует уже не на замкнутый топос тюрьмы или кладбища, а на весь социум, делая данную проблему отличительной чертой своего поколения и своего времени. Окружающий мир герои повести В. Мудрова «Гісторыя аднаго злачынства» познают исключительно через физиологические потребности. Ванька Беньков, Лешка Мандрик и другие словно бы подозревают о существовании иной жизни и иных ценностей, не замкнутых на продажности, взяточничестве, пьянстве, и даже по-своему бунтуют против окружающей гнусности. Но бунта «короля оршанской зоны» Лешки Мандрика хватает на белые клеши, а бунта влюбленного Ваньки – на банальный грабеж. Ничто светлое и возвышенное в этой удушающей сре-

де не выживает. Да и уровень притязаний героев обусловлен уровнем среды. Круг снова замыкается и в повести вырисовывается картина «агонирующего» общества.

Фантасмагорический футурологический прогноз этой агонии дает в своих повестях другой белорусский писатель Ю. Станкевич. Прозаик изображает реальную ситуацию середины 1990-х годов с царящей в стране безработицей. Сложная социально-экономическая ситуация пробуждает в людях низменные инстинкты, приводит к моральной деградации. Так, в повести «Рыфма» ряд убийств совершает «интеллигентная» девушка Полина, увлекающаяся литературой и философией. Так платит героиня за призрачную возможность вырваться из ситуации «дна», избежать жизни с родителями-алкоголиками и попасть в высший свет, чтобы вести беззаботную жизнь, беседуя о живописи и литературе.

Размышляя о стремлении большей части постсоветского общества набить собственный желудок и реализовать иные физиологические потребности, Ю. Станкевич в повести «Прузі» рисует аллегорический образ саранчи, пожирающей все на своем пути, созданной лишь для того, чтобы работать челюстями.

Повесть «Эрыніі» можно воспринимать как повесть-предупреждение. В ней ведется речь о появлении нового типа человека – «гома фестывус», порожденного обществом потребления и масс-медиа. Это инфантильное существо, не способное работать, стремящееся исключительно к «кайфу» и развлечениям. Безусловно, во всех названных повестях Ю. Станкевича на первый план выходит проблема духовной деградации, дегуманизации общества, отсутствия моральных ценностей и идеалов.

Связь с историческим прошлым своего народа как путь выхода из ситуации социального «дна» к осознанной и созидательной жизни рассматривает в своих повестях А. Федоренко. При этом у писателя собственный ракурс видения «бывших» людей. Исключенный из института «за национализм» герой повести «Вёска» Антон Васкевич возвращается домой и окунается в проблемы современной деревни: бюрократизм, безработица, пьянство, «свободные» отношения молодежи. Столкновение бывшего студента с народной средой лишено какого бы то ни было романтизма. Антон пытается жить как все, в связи с чем бывший студент рискует стать бывшим человеком. Но жизнь распорядилась по-другому: в стране происходят социаль-

ные и идеологические перемены, героя восстанавливают в институте. Антон не отказывается от своей позиции, но теперь она основана не на романтических представлениях, а на реальном знании народной среды со всеми ее проблемами. Но, тем не менее, родная деревня с ее прошлым и настоящим, родной язык дают герою силы развиваться и двигаться дальше.

Своеобразное переосмысление проблемы «бывших» людей происходит в повести А. Федоренко «Нічыё». Человек, лишенный национальной идентичности, – так видится прозаику собирательный образ белоруса. Безусловно, это случилось по объективным социально-политическим причинам. Однако А. Федоренко намекает, что недостаточно обрести свободу и независимость: впереди еще долгий и нелегкий путь национального самопознания и обретения чувства национальной гордости и достоинства.

Следует отметить, что, в отличие от реалистической прозы, человек в авангардистской эстетике исследуется в общегуманистическом (а не в социальном) ракурсе. Общественная жизнь порождает абсурдное, фантасмагорическое сплетение обстоятельств его судьбы, становится теми «декорациями», в которых человек существует.

Заключение. Таким образом, необходимость формирования аксиологических ориентиров, которые пришли бы на смену утратившим значение идеологическим, обусловила востребованность в русской и белорусской прозе второй половины XX века жанровой разновидности социально-психологической повести. В идейно-тематическом плане социально-психологическая повесть позволила писателям поднять злободневные проблемы, отразить события истории и современности; оказалась изоморфна потребностям белорусской прозы в формировании и сохранении жанрового канона одновременно с усвоением авангардистских тенденций. Коммуникативная стратегия социально-психологической повести в русской и белорусской литературе второй половины XX века направлена на поиск смысла жизни, на постижение человеком человеческой сущности, своего места в социуме, на осознание индивидуального пути в контексте исторического пути народа и государства, на осмысление философской проблематики бытия и смерти.

Поступила в редакцию 10.09.2018 г.